

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

СIV

Серия основана в 1965 году

ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО,
ПРЕДИСЛОВИЕ, ПРИМЕЧАНИЯ
И УКАЗАТЕЛИ К. А. Бойко

МУХАММАД ИБН ХАРИС АЛ-ХУШАНИ

КНИГА О СУДЬЯХ
(КИТАБ АЛ-ҚУДАТ)

« НАУКА »
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1992

ББК 67.3
М92

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимушкин (зам. председателя), С. С. Аревшатын,
А. Н. Болдырев, Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя),
Г. Ф. Гирс (зам. председателя), В. Н. Горегляд,
П. А. Грязневич, Д. В. Деоник, И. М. Дьяконов (председатель),
Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. И. Каримов,
Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели,
Э. Н. Темкин (отв. секретарь), А. Б. Халидов,
С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян

Ответственный редактор

А. Б. Куделин

Редактор издательства

Л. В. Негря

Мухаммад ибн Харис ал-Хушани

М92 Книга о судьях (Китаб ал-кудат). Пер. с араб.,
предисл., примеч. и указатели К. А. Бойко. — М.:
Наука. Главная редакция восточной литературы,
1992.— 231 с.— (Памятники письменности Востока.
СIV).

ISBN 5-02-017241-3

«Книга о судьях» — произведение биографического жанра испано-арабской литературы X в. В нем в хронологической последовательности передаются рассказы о жизни и практике главных судей ал-Андалуса начиная с середины VIII в. и до 969 года, которым обрывается повествование. Перевод сопровождается примечаниями.

0503030000-013
М 013(02)-92 53-91

ББК 67.3

ISBN 5-02-017241-3

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»,
1992

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959—1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

- XXXII,4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1986.
- XXXII,5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987.
- XXXII,6. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хан Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1986.
- LXXIII,2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятковской. (Bibliotheca Buddhica. XXXIV). М., 1990.
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И. С. Гуревич. Вступит. статья Л. Н. Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступит. статья С. С. Аверинцева. М., 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И. Е. Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987.
- LXXXI,1—4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е. И. Кычанова. В 4-х кн. Кн. 1. Исследование. М., 1987.
Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1—7). М., 1987.
Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8—12). М., 1989.
Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13—20). М., 1989.

- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л. К. Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дун'я (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л. П. Смирновой. М., 1991.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-ад'иян (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С. М. Прозорова. М., 1988.
- LXXXV. Аннабхатта. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Тарка-дипика («Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санскрита, исслед. и примеч. Е. П. Островской. М., 1989.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В. И. Рудого. (Bibliotheca Buddhica XXXV). М., 1990.
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прилож. К. Б. Кепинг. М., 1990.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапан'хя). Пер. с пали, исслед. и коммент. А. В. Парибка. (Bibliotheca Buddhica. XXXVI). М., 1989.
- LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н. Г. Анариной. М., 1989.
- XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А. Г. Са-зыкина. (Bibliotheca Buddhica. XXXVII). М., 1990.
- XCI. Махабхарата. Т. VIII. Карнапарва (Книга о Карне). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с персидского, примеч. и предисл. Е. И. Васильевой. М., 1990.
- XCIII. Великое зеркало (Окагами). Пер. со старояпонского, исслед. и коммент. Е. М. Дьяконовой.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевиийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О. М. Чунаковой. М., 1991.
- XCv. Кабир. Грантхавали (Собрание). Пер. с браджа, вступит. статья и коммент. Н. Б. Гафуровой.
- XCVI. Ме'ор айин («Светоч глаза»). Каранская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М. Н. Зислина. М., 1990.
- XCvII. Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л. М. Ермаковой. М., 1991.
- XCvIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Пер. с персидского А. Н. Болдырева. Предисл. и примеч. С. Е. Григорьева. М., 1991.
- XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел I. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М. Е. Ермакова. (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII). М., 1991.
- C. Биджой Гупто. Сказание о Падме (Подмалуран). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прилож. И. А. Товстых. М., 1991.
- CI. Васубандху. Абхидхармакоша-бхашья (Комментарий к энциклопедии Абхидхармы). Раздел III. Лока-нирдеша (Учение о мире). Пер. с санскрита В. И. Рудого, вводн. статья и коммент. Е. П. Островской и В. И. Рудого. (Bibliotheca Buddhica. XL).
- СII. Каталог ленинградского рукописного Ганджура. Сост., введ., транслитерация и указатели Э. К. Касьяненко. (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- СIII. Ким Чегук. Новеллы. Факсимиле. Изд. текста, пер. с корейского, предисл. и примеч. Д. Д. Елисеева.
- СV. Угаритский эпос. Пер., коммент. и исслед. И. Ш. Шифмана.
- СVI. Шамс ад-Дин Мухаммад б. Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (Ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Пер. с персидского, введ. и коммент. Н. Ю. Чалисовой.

[№ 33]	Рассказ о судьбе Мухаммаде б. Саламе	128
[№ 34]	Рассказ о втором судействе ан-Надра б. Саламы	133
[№ 35]	Рассказ о втором судействе Мухаммада б. Саламы	133
[№ 36]	Рассказ о первом судействе ал-Хабиба Ахмада б. Мухаммада б. Зийада ал-Лахми	135
[№ 37]	Рассказ о судьбе Асламе б. 'Абд ал-'Азизе	140
[№ 38]	Рассказ о втором судействе Ахмада б. Мухаммада б. Зийада	144
[№ 39]	Рассказ о втором судействе Аслама б. 'Абд ал-'Азиза	145
[№ 40]	Рассказ о судьбе Ахмаде б. Баки б. Махладе б. Йазиде	146
[№ 41]	Рассказ о судьбе Ахмаде б. 'Абдаллахе б. Аби Талибе ал-Асбахи	152
[№ 42]	Рассказ о судьбе Мухаммаде б. 'Абдаллахе б. Аби 'Исе	153
[№ 43]	Рассказ о судьбе Мунзире б. Са'иде б. 'Абдаллахе ал-Баллуту	156
[№ 44]	Рассказ о судьбе Мухаммаде б. Исхаке Ибн ас-Салиме	156
Примечания		159
Приложения		203
Список сокращений		204
Библиография		205
Указатель имен собственных		212
Указатель кордовской топонимики		223
Указатель географических названий		224
Summary		227

СОДЕРЖАНИЕ

К. А. Бойко. Предисловие	10
Книга о судьях	25
[Мукаддима]	26
Глава о жителях Кордовы, которым предложили судейство и которые отказались его принять	29
Глава с известиями о Кордове и ее судьях до халифов	36
[№ 1] Рассказ о судьбе Махди б. Муслиме	36
[№ 2] Рассказ о судьбе 'Антаре б. Фаллахе	40
[№ 3] Рассказ о судьбе Мухаджире б. Науфале ал-Кураши	41
[№ 4] Рассказ о судьбе Йахйе б. Йазиде ат-Туджиби	42
[№ 5] Рассказ о судьбе Му'авийе б. Салихе ал-Хадрами	43
[№ 6] Рассказ о судьбе 'Умаре б. Шарахиле	50
[№ 7] Рассказ о судьбе 'Абд ар-Рахмане б. Тарифе ал-Йахсуби	51
[№ 8] Рассказ о судьбе ал-Мус'абе б. 'Имране ал-Хамдани	53
[№ 9] Рассказ о судьбе Мухаммаде Ибн Башире ал-Ма'афири	56
[№ 10] Рассказ о судьбе Са'иде б. Мухаммаде Ибн Башире ал-Ма'афири	67
[№ 11] Рассказ о судьбе ал-Фарадже б. Кинане ал-Кинани	70
[№ 12] Рассказ о судьбе Катане б. Джаз'е ат-Тамими	73
[№ 13] Рассказ о судьбе 'Убайдаллахе б. Мусе ал-Гафики	74
[№ 14] Рассказ о судьбе Хамиде б. Мухаммаде ар-Ру'айни	74
[№ 15] Рассказ о судьбе Масруре б. Мухаммаде Ибн Башире ал-Ма'афири	74
[№ 16] Рассказ о судьбе Йахйе б. Ма'маре ал-Алхани	75
[№ 17] Рассказ о судьбе ал-Асваре б. 'Укбе ан-Насри	78
[№ 18] Рассказ о втором судействе Йахьи б. Ма'мара	79
[№ 19] Рассказ о судьбе Ибрахиме б. ал-'Аббасе ал-Кураши	81
[№ 20] Рассказ о судьбе Йухамире б. 'Усмане аш-Ша'бани	84
[№ 21] Рассказ о судьбе 'Али б. Аби Бакре ал-Килаби	86
[№ 22] Рассказ о судьбе Му'азе б. 'Усмане аш-Ша'бани	86
[№ 23] Рассказ о судьбе Мухаммаде б. Зийаде ал-Лахми	88
[№ 24] Рассказ о судьбе Са'иде б. Сулаймане ал-Гафики	92
[№ 25] Рассказ о судьбе Ахмаде б. Зийаде ал-Лахми	97
[№ 26] Рассказ о судьбе 'Амре б. 'Абдаллахе б. Лайсе ал-Куба'е	99
[№ 27] Рассказ о судьбе Сулаймане б. Асваде ал-Гафики	105
[№ 28] Рассказ о втором судействе 'Амра б. 'Абдаллаха, которое было в 260 году	114
[№ 29] Рассказ о втором судействе Сулаймана б. Асвада, и было это его исполнение должности в 263 году	116
[№ 30] Рассказ о судьбе 'Амире б. Му'авийе ал-Лахми	123
[№ 31] Рассказ о судьбе ан-Надре б. Саламе ал-Килаби	125
[№ 32] Рассказ о судьбе Мусе б. Мухаммаде б. Зийаде ал-Джузами	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед нами перевод сохранившегося в уникальной арабской рукописи сочинения о кордовских судьях. Оно создано тысячу с лишним лет назад в одной из стран Западной Европы — в Испании, которая в результате мусульманского завоевания оказалась включенной в качестве провинции в состав Арабского халифата.

В середине VIII в. в метрополии произошел государственный переворот. На смену Омейядам пришли Аббасиды, центр политической жизни переместился из Дамаска в Багдад. Важным последствием этого события было возникновение на Пиренейском полуострове в 756 г. независимого эмирата во главе с одним из немногих уцелевших отпрысков свергнутой династии — Омейядом 'Абд ар-Рахманом I (марванидская ветвь династии Омейядов).

Отпадение от Халифата этого находившегося на крайнем западе региона положило начало его самостоятельному развитию, привело к появлению локального, «андалусского» сепаратизма. Правящая и интеллектуальная элита испано-мусульманского общества проникалась ощущением своей значимости, своей особой роли в судьбах ал-Андалуса. Ее новое самосознание служило движущей силой местного культурного развития. Страна приобретала свое лицо, складывалась своя научная традиция, которая стремилась удовлетворять запросы местной среды.

Всеобщий расцвет духовной жизни ал-Андалуса наступает в X в., особенно после провозглашения в 929 г. халифата. Этот акт явился выражением силы и могущества страны, когда на ее территории воцарились политическое единство и мир, а ее прочное внешнеполитическое положение позволило покончить с номинальным подчинением Аббасидам.

В ту пору пробудилось стремление испано-арабской ученой и читательской среды осмыслить свое культурно-историческое прошлое, начиная с момента мусульманского завоевания ал-Андалуса¹.

¹ Древним, домусульманским, прошлым своей страны местные историки интересовались гораздо меньше, чем это имело место, например, в Египте.

Эта интеллектуальная активность поощрялась местной правящей династией. Омейядам важно было обосновать и закрепить свои права на власть в ими же провозглашенном новом государстве — халифате.

В столице Кордове и в провинции правящей династией была организована работа по разысканию, собиранию и письменной фиксации «следов минувшего». Придворные историографы (*ахл ат-та'рих*) приступили к созданию анналов — погодных записей истории испанских Омейядов. Появились многочисленные биографические труды, посвященные различным категориям местных мусульман. Эти крупные явления в области исторической традиции свидетельствовали об обособлении очага испано-арабской культуры от культуры остального мусульманского мира, о независимом характере ее развития.

Духовная жизнь мусульманской общины ал-Андалуса, как и в других областях Халифата, сводилась в основном к занятиям историко-религиозным преданием (хадисы) и правом (фикх). Теоретическое изучение и разработка этих дисциплин в правление халифов 'Абд ар-Рахмана III и ал-Хакама II росли и набирали силу. Попутно с созданием специальных сочинений по этим дисциплинам начало проводиться и систематическое собирание сведений биографического содержания о самих передачиках и знатоках хадисов (мухаддисах), законооведах (факихах) и судьях (кадиях). Эти материалы легли в основу биографических работ, посвященных им. Причину появления в большом количестве сочинений подобного рода следует видеть, кроме того, в усилении влияния чиновничества в процессе роста и усложнения бюрократического аппарата.

В X в. составлялись сборники о лицах разных профессий, создавались труды по каждой из указанных категорий лиц, среди них предлагаемая вниманию читателя «Книга о судьях» ал-Хушани.

Время создания этой биографической хроники — последние годы правления омейядского халифа Испании 'Абд ар-Рахмана III (912—961). Из всех относящихся к X в. книг о судьях она одна дошла до нас. Эта уникальная история судейства, изложенная в виде биографий тех, кто исполнял должность кади, важна как памятник исламской идеологии определенной эпохи (VIII—X вв.) в пределах определенного региона и как источник ценнейшей информации.

С установлением на Пиренейском полуострове арабского господства там ненадолго утвердился религиозно-правовой толк (мазхаб) сирийского юриста ал-Ауза'и. В конце VIII или на рубеже VIII—IX вв. он был вытеснен толком мединца Малика б. Анаса. К тому моменту активную роль в стране начинает играть группа факихов, ядро которой составили непосредствен-

ные ученики Малика б. Анаса. Осознав свою силу и влияние, факихи-маликиты решительно вмешиваются в дела правления. Марваниды были вынуждены в силу сложившихся обстоятельств считаться с диктатом кордовских факихов. Взамен те оказывали поддержку династии, обосновывая ее право на власть в одном из отдаленных регионов ислама. Попытки ограничить их влияние привели однажды к нежелательным и даже грозным для династии последствиям — массовым выступлениям в кордовском предместье ар-Рабад в правление эмира ал-Хакама I. Последующие властители хорошо усвоили урок ар-Рабада и старались в дальнейшем не доводить дело до кровавых конфликтов, осознав значение, которое имел для них союз с факихами. Согласовывать с ними свои действия приходилось и главному судье. В случае, если кади-л-джама'а отказывался советоваться с факихами или поступал вопреки им, он рисковал своей карьерой.

Приемы толкования испанскими факихами IX в. доктрины Малика б. Анаса отличались консерватизмом — неприятием умозрительного подхода к науке о хадисе. Интересы испанских маликитов ограничивались чисто практическими потребностями местного права (сфера «казусов» — *маса'ил*). Тем не менее даже в такой обстановке не обходилось без споров и разногласий в пределах одного мазхаба. Так, в юридической практике наблюдалась борьба мнений между приверженцами египетских маликитов Ашхаба б. 'Абд ал-'Азиза (ум. в 204/819 г.) и 'Абд ар-Рахмана б. ал-Касима (ум. в 191/806 г.), существовали несогласия по вопросам процедуры приведения к присяге свидетелей, шли дискуссии о том, следует или нет принуждать судью клясться, каким образом судья должен спрашивать мнение у своих советников, следует ли ограничивать наказание должнику тюрьмой или надо прибегнуть еще к телесному наказанию.

Несмотря на нетерпимость кордовских факихов к инакомыслию, новые веяния, отзвуки иных юридических и богословских течений все же проникали в ал-Андалус. Проводниками их являлись местные ученые, регулярно совершавшие дальние поездки в различные центры ислама. Достаточно большую смелость для того времени проявил известный мухаддис Баки б. Махлад (ум. в 276/889 г.). Возвратившись из Ирака, он не побоялся открыто знакомить своих учеников с системой взглядов аш-Шафи'и (ум. в 204/820 г.) относительно хадисов и их критики.

При халифе 'Абд ар-Рахмане III союз факихов с властью ослабевает и теряет свое значение. Сильная в экономическом и военном отношениях держава не нуждается более в их поддержке так, как прежде. Они перестают быть ее опорой. Страницы книги ал-Хушани воспроизводят с разной степенью полноты

события истории формирования маликитской доктрины в ал-Андалусе.

Памятник важен и как источник информации об истории самого института судейства в омейядской Испании, в частности об этнической и социальной принадлежности судей, порядке их назначения, титулатуре, уровне их правовых знаний, процедуре судопроизводства, круге полномочий, которые возлагались на них, об их отношениях с подчиненными им карательными ведомствами. На его страницах оживает пестрая в социальном, религиозном и этническом плане толпа, которая заполняла судебное присутствие² по своим тяжбым делам. Разнообразен круг казусов гражданского и уголовного права, которые приходится рассматривать кади: семейно-брачные конфликты, споры из-за наследства, захваты земельных наделов и другой недвижимости, хищения, разбой, притеснение неимущих, посягательство на честь женщины, оскорбление веры.

В роли ответчиков перед блюстителями религиозного закона часто выступают представители родовой аристократии и высокие должностные лица, иногда даже отпрыски правящей династии (описывается случай, когда кордовский судья выносит решение против эмира ал-Хакама I), наконец, ими становятся сами судьи, если на них приносят жалобы омейядским эмирам.

Перед читателем проходит галерея образов: грубый, заносчивый корейшит, сводящий счеты с бывшим судьей; бесхитрый неграмотный человек, который просит ближнего написать свое имя на повестке; фанатичный христианин с его страстной речью о бессмертии души; обиженная женщина, разговаривающая с судьей по-романски. Рассказчики — свидетели или участники событий — то и дело выводят читателя за ворота мечети, заставляют его заглянуть во дворец, в «дом визирей», побывать в покоях богача, в хижине аскета, вслушаться в ученые споры факихов, стать очевидцем уличных сцен и происшествий. Встречающиеся в тексте реалии увеличивают ценность произведения.

Прежде чем говорить об авторе и его труде, следует остановиться на концепции судейства в исламе, ибо она определяла мотивы действий судей, формировала их кредо. Вне связи с ней, как нам представляется, нельзя должным образом оценить и понять книгу ал-Хушани.

Суд в исламе основан на «божественном законе» — шариате и теоретически вершится именем Аллаха. Право окончательного судебного решения принадлежало в рассматриваемый период

² Специального судебного помещения или здания в исламе не существовало; суд происходил, как правило, в мечети. В Кордове в описываемый у ал-Хушани период для разбора тяжбы дел использовалось одно из помещений соборной мечети.

религиозному и светскому главе верующих — халифу. Но он редко лично отправлял правосудие. Обычно суд вершил не властитель, а специально выбранное лицо, на которое он перекладывал свои полномочия, — кади. Установлениями шариата регламентировались все стороны жизни мусульманской общины (книга ал-Хушани наглядно иллюстрирует это положение), и функции судейства играли в обществе весьма значительную роль.

При всем том в мусульманской среде установилось двойственное отношение к судейской должности, как таковой. С одной стороны, она, как дело божье, возвышает человека, сулит ему почет и уважение. Быть судьей — значит исполнять религиозный долг по отношению к общине верующих. С другой стороны, судейская должность вызывает у людей смутение и страх, а ее исполнение воспринимается ими как подлинное «испытание и бедствие». Считалось, что, приняв должность, человек вступает на опасный путь — он может допустить просчет в своих действиях, совершить неправый поступок (ибо только Аллах знает истину), проявить тщеславие или оказаться замешанным во взяточничестве. За это его ожидает в «будущей жизни» суровое наказание. Чувство страха перед ним для мусульманских аскетов и благочестивцев было главным в определении их отношения к исполнению судейской должности. Отказ от нее уже в раннем исламе превратился в норму поведения, в связи с чем в предании появилось большое количество рассказов назидательного характера о лицах, отвергнувших предложение стать судьей³.

Такая тенденция к уклонению нашла обоснование прежде всего в хадисах, которые от имени пророка и авторитетных лиц раннего ислама предостерегали от занятия должностей, каким-либо образом связанных с применением власти, и грозили страшными карами тем, кто на это согласится. В частности, о судействе говорилось: «Из трех судей двое попадут в ад, а один в рай; если человек обладает знаниями и судит на основе того, что знает, то он попадает в рай; если человек невежествен и судит на основе невежества, то он попадает в ад»⁴; «Тот, кто станет судьей, будет зарезан без ножа»⁵; «Судейство — испытание и бедствие; кто становится судьей, предает себя гибели; освободиться от судейства трудно, но следует бежать от него тотчас же; стремиться к нему глупо, хотя бы оно и оплачивалось»⁶.

³ См., например: *Wensinck*. *The Refused Dignity*, где автор исследует мусульманскую концепцию судейства и ее корни.

⁴ Ибн 'Абд ал-Хакам. *Фурух Миср*, с. 227.

⁵ Там же, с. 226; *ан-Нубахи*. *Ал-Маркаба*, с. 9.

⁶ *Ан-Нубахи*. *Ал-Маркаба*, с. 10.

Мотив предостережения не всегда звучал столь сурово. Попривидя того, кто сам добивается для себя должности судьи, предание гласит, что такому человеку придется туго. На этом посту он должен рассчитывать только на самого себя⁷, помощи и поддержки от Аллаха он не дожидается. Наоборот, считалось, что кандидату на должность следует проявлять чувство неудовольствия, отвращения. Лишь при таком условии Аллах направит его на правый путь⁸. Ал-Хушани показывает, как намеченные для судейства благочестивые мусульмане вначале отказывались, демонстрируя отвращение, затем колебались и, наконец, изъявляли согласие. Случались, конечно, и исключения из правила, когда кто-либо не считал для себя предосудительным испрашивать должность, ссылаясь при этом на слова библейского Иосифа, с которыми тот обратился к египетскому царю: «Поставь меня над сокровищницами земли: ведь я — хранитель, мудрый»⁹.

Судье надлежало придерживаться определенных норм поведения и обладать целым набором достоинств, которые приличествуют «самому лучшему человеку эмира верующих»¹⁰. Можно сказать, что уже с середины IX в. в ал-Андалусе среди занятых в этой сфере деятельности складывается свой поведенческий стереотип. Образцом для подражания в практике и в быту служили ранние кордовские судьи, такие, как 'Абд ар-Рахман б. Тариф ал-Йахсуби, Мус'аб б. 'Имран ал-Хамдани и особенно Мухаммад Ибн Башир ал-Ма'афири.

Предание сохранило суровый облик этих судей южноарабского происхождения из отрядов, прибывших в Испанию в 123/741 г. Зачастую не слишком хорошо осведомленные в тонкостях религиозного закона, не принадлежавшие к какому-либо определенному мазхабу, они судили так, как считали «правильным». Место секретаря судьи — самое большее, чего мог достичь в своей «карьере» такой человек перед назначением его на должность кади. Рассказывалось об их твердости и непреклонности, о равнодушии к «хвале и клевете» в свой адрес и беспристрастности, об отсутствии угодничества и лести по отношению к власти имущим, об их простоте в быту, об осмотрительности и благоразумии, о приверженности истине и справедливости в решении дел.

Этот облик продолжал оставаться нравственным мериллом для служителей закона, но они все меньше напоминали своих «патриархальных» предшественников. Менялась и их сословная принадлежность. Складывалась местная ученая среда, и мало-

⁷ Там же, с. 11.

⁸ Там же.

⁹ Коран XII, 55. См. пер., с. 51; ср.: *ан-Нубахи*. *Ал-Маркаба*, с. 10.

¹⁰ См. пер., с. 155.

помалу люди образованные, знатоки религиозных установлений и права (иногда даже лица романского или берберского происхождения), вытесняют на посту судьи выходцев из второго притока южноарабских военных поселенцев. Это были лица, обладавшие уже достаточно высоким уровнем юридической культуры (например, ал-Хабиб и Аслам б. 'Абд ал-'Азиз). Некоторые из них учились за пределами ал-Андалуса и имели опыт судейства у себя на родине, в провинции. Встречались среди них люди светски образованные — те, кто слагал стихи, обладал даром красноречия, владел пером и вел переписку по всем правилам эпистолярного искусства, прекрасно разбирался в документах.

Со временем круг полномочий кади расширяется, захватывая сферу управления. С конца IX в. и в первой половине X в. кади — и визирь, и катиб эмира, и хранитель имущества его жен, и заместитель эмира на ас-Сатхе дворца во время его отсутствия, и правительственный чиновник по особым поручениям (по приказу эмира он совершает поездки на север Пиренейского полуострова, инспектирует пограничные районы, руководит военными операциями против христиан и строительством крепостей). Арабское слово *ал-кади* вошло в испанский и португальский языки в форме *alcalde* и *alcaide* соответственно и до сих пор употребляется для обозначения главы муниципалитета, смотрителя тюрьмы или городского судьи.

В сложных жизненных ситуациях никакой поведенческий стереотип не мог предотвратить проявления особенностей характера конкретного судьи, присущих ему недостатков: один не отличался изяществом речи, другой не умел хорошо составить ответ на полученное письмо, не обладал проницательностью и живостью ума, бывал заносчив, даже груб в общении, невежествен в вопросах сунны, слишком мягкосердечен, чтобы наказать человека, склонен к интриге, поддавался лести. Такими сложными и противоречивыми предстают персонажи реалистических зарисовок, которые объединил в своей книге ал-Хушани. Этим, в частности, они и интересны для нас.

Автор «Книги о судьях» законовед Абу 'Абдаллах Мухаммад б. ал-Харис б. Асад ал-Хушани родился в самом конце III/начале X в. в Северной Африке, в Кайруане. Самая ранняя дата его жизни, о которой он сам сообщает, — 303/915–16 год¹¹. В Кайруане, а также в другом городе, Тунисе, ал-Хушани получил образование у маликитских юристов — учеников и последователей выдающихся североафриканских ученых Сахнуна б. Са'ида (160/776–77—240/854) и его сына Мухаммада б. Сахнуна (202/817—256/870). Источником его знаний по фикху стал трактат Малика б. Анаса *ал-Муватта'*. Среди других работ,

¹¹ Ал-Хушани. Табакат 'улама' Ифрикйя, т. I, с. 195.

которые ал-Хушани изучал в Северной Африке, — *Фада'ил Малик б. Анас* («Достоинства Малика б. Анаса») Мухаммада Ибн ал-Лаббада (ум. в 333/944 г.), жизнеописание основателя ислама Мухаммада — *ал-Магази* («Походы пророка») Йахйи б. Мухаммада б. Кадима, некоторые исторические и биографические сочинения, созданные маликитами, как, например, *Китаб ас-сийар* («Жизнеописание») Мухаммада б. Сахнуна, и, конечно, хадисы.

Годы юности ал-Хушани совпали с выходом на политическую арену в Северной Африке в 909 г. шиитской династии Фатимидов. Новая власть столкнулась здесь с проявлениями суннитской оппозиции в лице местных маликитских факихов. Учение маликитов, а следовательно, и их практика оказались, в сущности, под запретом, сами они терпели гонения со стороны фатимидских властей. Преследованиям подвергались близкие ал-Хушани люди — его учителя. Ввиду грозившей ему опасности ареста ал-Хушани вынужден был в 312/924–25 г. покинуть пределы Северной Африки и искать убежища в омейядской Испании.

Оказавшись на территории омейядской державы, он жил какое-то время в провинции, а с начала 30-х годов обосновался в Кордове. Там он совершенствовал свои знания, посещая занятия Касима б. Асбага (244/859—340/951), Мухаммада б. 'Абд ал-Малика б. Аймана (252/866—330/942), Ахмада б. 'Убады ар-Ру'айни (ум. в 332/944 г.) и других столичных факихов-традиционалистов. Своей ученостью, литературным талантом, поэтическим даром ал-Хушани обратил на себя внимание будущего халифа, в то время наследника престола ал-Хакама, который приблизил его к себе и назначил ведать наследственным имуществом (*маварис*) в Печине. Через некоторое время он ввел ал-Хушани в столичный совет факихов (*шура*).

Только найдя убежище в цитадели маликитства — омейядском ал-Андалусе, ал-Хушани, известный еще как врач и алхимик, получил возможность беспрепятственно заниматься научно-литературной деятельностью. Для своего высокого покровителя он создал большое число сочинений разного содержания (источники приписывают ему «сто диванов»). Ибн Харис написал ряд работ по вопросам маликитского права и, кроме того, выступил как историограф маликитов. Им были созданы (известны сейчас по названиям) *Китаб табакат фукаха' ал-маликийя* («Разряды маликитских законоведов») и *Китаб ар-руват 'ан Малик* («Книга о передатчиках со слов Малика»), труды о «достойных качествах» (*манакиб*) отдельных выдающихся маликитских юристов Египта и Северной Африки: *Манакиб 'Абд ар-Рахман б. ал-Касим* и *Манакиб Сахнун*.

Значение ал-Хушани для испано-арабской литературы опре-

деляется прежде всего ощутимым вкладом, который он внес в развитие жанра местной биографии. Ибн Харис составил сборники биографий ученых ал-Андалуса, и среди них — *Китаб фи риджал ал-Андалус* («Книга о передатчиках хадисов ал-Андалуса»). Сочинение известно по многочисленным мелким цитатам в *Та'рих 'улама' ал-Андалус* («История ученых ал-Андалуса») его младшего современника Ибн ал-Фаради (351/962—403/1013). Фрагменты показывают, что сборник заключал в себе по меньшей мере 189 биографических заметок, посвященных правоведом, традиционалистам и судьям Кордовы и провинциальных центров страны, причем не только маликитам, но и представителям других толков. Труд был закончен не ранее 330/941 г.¹²

Сам ал-Хушани цитирует и приводит названия двух других своих работ: *Китаб ал-иктибас* («Книга заимствования») и *Китаб ат-та'риф* («Книга уведомления») — об ученых его родного города Кайруана. В полном виде они не сохранились¹³.

Также по названию известна еще одна его работа, касающаяся Северной Африки, — об истории берберских племен масмуда, ламтуна и санхаджа (*Та'рих ал-масамид ва ламтуна ва санхаджа*). Они находились в вассальной зависимости от Фатимидов и противостояли берберам племени заната, союзникам испанских Омейядов. Есть основания полагать, что все свои работы о Северной Африке ал-Хушани также создал по заказу кордовских Омейядов. Для последних было важно знать как можно больше о соседнем регионе, где у власти находились враждебные им Фатимиды. Вряд ли кто-нибудь другой мог их осведомить лучше об обстановке в Северной Африке, чем выходец из тех мест и политический эмигрант (каковым, по сути дела, и являлся ал-Хушани)¹⁴.

Из всех биографических работ ал-Хушани до наших дней сохранились только две: *Китаб ал-кудат* («Книга о судьях») и *Китаб табакат 'улама' Ифрикийя* («Разряды ученых Ифрикийи»). Что касается *Табакат*, то они посвящены тунисским ученым различных мазхабов, преимущественно кайруанцам, начиная от Мухаммада б. Сахнуна и кончая современниками ал-Хушани¹⁵. Труд создан не ранее 328/939-40 г.¹⁶.

¹² Это самая поздняя дата во фрагментах из труда ал-Хушани, которые цитирует Ибн ал-Фаради, см.: *Ибн ал-Фаради. Та'рих*, т. 1, с. 229, № 818.

¹³ *Ал-Хушани. Табакат 'улама' Ифрикийя*, т. 1, с. 136, 145, 154, 213, 237.

¹⁴ *Brunschwig. Littérature historico-géographique*, с. 150—151.

¹⁵ *Ал-Хушани. Табакат 'улама' Ифрикийя*, т. 1, с. 127—241. По нашему мнению, *Табакат* ал-Хушани есть не что иное, как продолжение сочинения того же названия его соотечественника Абу-л-'Араба ат-Тамими (уб. в 333/945 г.), который поместил в нем биографии кайруанцев, живших до Мухаммада б. Сахнуна. См.: *Абу-л-'Араб. Табакат 'улама' Ифрикийя*, т. 1, с. 1—125.

Источники указывают разные даты смерти ал-Хушани. Согласно одним, он умер в правление халифа ал-Хакама II, в 361/971 г., и был похоронен на кордовском кладбище Му'аммара (другие, более поздние даты его смерти — 362/972-73 г., 364/974 г.). Но имеются сведения, что ал-Хушани умер гораздо позже, при следующем халифе, Хишаме II, в 371/981 или даже в 381/991 г. При этом сообщается, что он впал в немилость; Ибн Аби 'Амир, всесильный хаджиб нового халифа, унизил всех фаворитов ал-Хакама II и вверг их в нищету. Среди них оказался и автор «Книги о судьях». Оставшись не у дел, по этой версии, он вынужден был ради заработка заняться изготовлением лечебных мазей и снадобий и торговать ими в лавке. Умер он в полной неизвестности.

«Книга о судьях» посвящена реально существовавшим историческим лицам — главным судьям мусульманской Испании — и охватывает период от последних лет наместничества, в канун захвата власти эмиром 'Абд ар-Рахманом I (138/756 г.), до 358/969 г. — даты, которой обрывается повествование. В обычном по форме авторском предисловии (*мукаддима*) ал-Хушани раскрывает причины написания своего труда, разъясняет, для какой цели он создан, излагает план его построения. Автор настойчиво проводит мысль, что его труд — не просто развлекательное чтение, это руководство, к которому обращаются за «прецедентом» при рассмотрении тяжёлых дел. На страницах книги как бы собран судебный опыт прошлых лет, который надлежит использовать. В одном из рассказов ал-Хушани сообщает о распоряжении судьи ал-Хабиба, направленном им в 291/903-04 г. его советникам-факихам, представлять ему свои мнения только в письменном виде. Первым введя в практику в ал-Андалусе такой порядок, ал-Хабиб счел нужным объединить записи в один свод, разбив его на главы. Ал-Хушани замечает об этом своде следующее: «Они (т. е. мнения. — К. Б.) дают ответ тому, кто их читает, и приносят пользу тому, кто из них заимствует. Не плохо бы их знать и не худо бы [их] сохранить»¹⁷. Эти слова как нельзя более применимы ко всему тому материалу, который он сам объединил в рамках *Китаб ал-кудат*.

Согласно плану, повествование начинается «Главой о жителях Кордовы, которым предложили судейство и которые отказались его принять». За ней следует серия рассказов о тех, кто в отличие от первых не побоялся сделать свой выбор в пользу судейства. Каждый такой рассказ (*зикр*) — а в книге их сорок четыре — посвящен одному судье и состоит из мелких рас-

¹⁶ Это самая поздняя из приводимых в *Табакат дат*, см.: *Ал-Хушани. Табакат 'улама' Ифрикийя*, т. 1, с. 177.

¹⁷ См. пер., с. 136.

сказов, часто предваряемых иснадами. Ал-Хушани сообщает, что в основу изложения положен хронологический принцип: рассказы о кадиях даны в той последовательности, в какой они исполняли должность¹⁸.

«Книга о судьях» передавалась несколькими лицами (см. начальный иснад к сочинению), в результате чего ее текст претерпел изменения двоякого рода: а) в него были внесены добавления, б) он подвергся сокращениям.

Уже голландский арабист XIX в. Р. Дози¹⁹ обратил внимание на легендарный характер рассказов о первых трех судьях в сочинении ал-Хушани — Махди б. Муслиме, 'Антаре б. Фаллахе и Мухаджире б. Науфале ал-Кураши. Его суждения повторил Ф. Понс Бойгес, дав искаженную картину памятника как смеси подлинной истории и легенд²⁰. И сейчас еще не изжито мнение об отсутствии критического чутья у ал-Хушани, который принял на веру рассказы об этих трех вымышленных лицах и включил их в свою книгу²¹. Такие важные для истории судейства в ал-Андалусе ранние сочинения, как *Та'рих ифтигах ал-Андалус* Ибн ал-Кутийи (современника ал-Хушани) и *Та'рих 'улама' ал-Андалус* Ибн ал-Фаради, а также *Ахбар маджму'а* анонимного автора (X—XI вв.), ничего не говорят о Махди б. Муслиме, 'Антаре б. Фаллахе и Мухаджире б. Науфале ал-Кураши²². Обращает на себя внимание тот факт, что три легендарных рассказа объединены в книге в раздел, которому дано название «Глава с известиями о Кордове и ее судьях до халифов» (т. е. до провозглашения омейядского эмирата). Но в авторском предисловии, где четко изложена композиция работы, нет ни слова об этой главе. Такое несоответствие авторскому замыслу со всей очевидностью указывает на то, что три легендарных рассказа введены в текст одним из передатчиков сочинения, и скорее всего после смерти ал-Хушани.

Самый ранний известный кордовский кади, о котором говорят Ибн ал-Кутийи, Ибн ал-Фаради, автор *Ахбар маджму'а*

¹⁸ Лицам, которые дважды занимали этот пост (а таких в книге ал-Хушани семеро), посвящено по два рассказа.

¹⁹ *Dozy. Recherches*, с. 34—36.

²⁰ *Pons Boigues. Historiadores y geógrafos*, с. 78.

²¹ *Pellat. Al-Khushani*.

²² Есть, правда, более поздние авторы, которые упоминают об этих трех судьях: Ибн Хаййан (первая половина XI в., в передаче Ибн ал-Аббара) и ан-Нубахи (XIV в.). Однако они повторяют друг друга и возводят сообщение к одному источнику — ал-Хушани. Данное обстоятельство наводит на мысль, что уже Ибн Хаййан пользовался копией труда ал-Хушани, в которой рассказы о первых трех судьях к тому времени существовали как вставка. См.: *Ибн ал-Аббар*. Ат-Такмила, т. 1, с. 78, № 258; с. 403—404, № 1162; с. 404, № 1163; *он же*. Ат-Такмила (Аларкон и Паленсия), с. 268, № 2476; *ан-Нубахи*. Ал-Маркаба, с. 11—12, 42—43.

и др., — Йахйа б. Йазид ат-Туджиби²³. Исполнение им должности приходится на период наместничества (по Ибн Хазму, он стал судьей ал-Андалуса в годы правления восточного Омейяда Хишама б. 'Абд ал-Малика — 105/724—125/743) и начало правления эмира 'Абд ар-Рахмана I. Рассказ о нем (четвертый в *Китаб ал-кудат*) и должен был бы открывать серию биографических очерков о судьях Кордовы.

Но самым веским доказательством неподлинности первых трех рассказов служит критическое отношение ал-Хушани к источникам, которое он проявляет в работе над своей «Книгой о судьях». Для него характерна манера комментировать их сомнительные и слабые места, делать замечания по ходу изложения, уточнять даты. Таких примеров в тексте довольно много. Если ал-Хушани ничего не известно о судьбе, кроме имени, он обязательно сообщает, что книги или рассказчики не сохранили о нем ничего, что можно было бы упомянуть, или указывает, что такая-то версия предания является по таким-то соображениям ложной, а такая-то — наиболее вероятной. Исходя из этого, мы считаем, что, если бы первые три рассказа были включены в сочинение самим ал-Хушани, он не оставил бы их без комментариев, тем более что «Книга о судьях» предназначалась для наследника престола, будущего халифа ал-Хакама II, основательного знатока местной истории.

Есть еще одно доказательство, что перед нами не первоначальная, авторская версия «Книги о судьях», которая была завершена, как явствует из авторского предисловия, в бытность ал-Хакама наследником престола, т. е. до 961 г. или к этому сроку. В конце книги имеются два рассказа о судьях Мунзире б. Са'иде ал-Баллуте и Мухаммаде б. Исхаке Ибн ас-Салиме (43-й и 44-й в *Китаб ал-кудат*), исполнявших должность уже при халифе ал-Хакаме II. В первоначальном варианте их не могло быть, поэтому эти очерки следует квалифицировать как добавление последующего времени. Изложение должно было завершаться, таким образом, рассказом о судьбе халифа 'Абд ар-Рахмана III — Мухаммаде б. 'Абдаллахе б. Аби 'Исе (ум. в 339/950 г., № 42).

Относительно изменений другого рода, которые претерпела *Китаб ал-кудат*, можно без преувеличения сказать, что в результате произведенных в ней сокращений она превратилась как бы в *мухтасар* авторского текста. В этом убеждают работы более позднего времени, важнейшие из них — *ал-Муктабас* Ибн Хаййана, *ал-Мадарик* 'Ийада ал-Йахсуби, *ал-Маркаба* ан-

²³ *Ибн ал-Кутийи*. Та'рих ифтигах, с. 34, 43 (исп. пер., с. 26, 34); *Ибн ал-Фаради*. Та'рих, т. 2, с. 43, № 1550; *Ибн Хазм*. Джемхарат ансаб, с. 403—404; *Ибн 'Изари*. Ал-Байан ал-мугриб, т. 2, с. 48; *ан-Нубахи*. Ал-Маркаба, с. 21, 43; *ал-Маккари*. Нафх ат-тиб, т. 2, с. 31.

Нубахи, *Нафх ат-тиб* ал-Маккари. В них содержится большое количество фрагментов из работы ал-Хушани, которые либо отсутствуют в сохранившейся версии, либо представлены там в более сжатом виде. С их помощью можно восстановить более полный текст примерно половины рассказов. Видимо, создатели сокращенной версии, преследуя свои узкопрактические цели, устраняли то, что казалось им не заслуживающим внимания. Это обедняло созвучное эпохе содержание памятника, лишало его политической остроты. В некоторых случаях сокращения просто затрудняют понимание текста.

«Книга о судьях» базируется на многих источниках. Их изучение приводит нас к выводу, что в подавляющем большинстве это источники письменные. Ал-Хушани широко использует (цитирует) работы своих современников-андалусцев, нередко восходящие к записям факихов и мухаддисов предшествующего столетия.

Значительную часть книги автор основывает на сборнике биографий кордовца Халида б. Са'да (ум. в 352/963 г.)²⁴, многократно приводит выдержки из сочинений Мухаммада б. 'Абд ал-Малика б. Аймана²⁵ и его сына Ахмада (ум. в 347/959 г.)²⁶, 'Усмана б. Мухаммада (конец IX—первая половина X в.)²⁷, Мухаммада б. 'Умара б. 'Абд ал-'Азиза (Ибн ал-Кутийи, ум. в 367/977 г.)²⁸, цитирует одну редкую книгу (*китаб*) по истории ал-Андалуса, переписанную неким Ахмадом б. Фараджем. Среди своих источников ал-Хушани называет также некие *ар-ри-вайат*, *ал-хикайат*, *ал-ахбар*, *ал-кутуб*, очень часто включает в «Книгу о судьях» рассказы, не называя имен людей, которые их ему передали (он придает им характер анонимных, говоря, что получил их от одного «рассказчика», от одного «хранителя предания», от одного «ученого», одного «шейха»).

В *Китаб ал-кудат* включены рассказы со слов многих известных факихов и мухаддисов, среди них Ахмад б. 'Убада ар-Ру' айни²⁹, Фарадж б. Салама ал-Балави (288/901—345/956-57), Ахмад б. Мухаммад б. 'Умар б. Лубаба (ум. в 325/937 г.)³⁰, Ахмад б. Са'ид б. Хазм (284/897—350/961)³¹. Такие отрывки

²⁴ О нем см.: *Ибн ал-Фаради*. Та'рих, т. 1, с. 113—114, № 396. Ал-Хушани не сообщает, из какой работы Халида б. Са'да он приводит выдержки. Возможно, что это несохранившаяся *Китаб фи риджал ал-Андалус* («Книга о передатчиках хадисов ал-Андалуса», посвященная жителям многих городов страны), которую тот составил для ал-Хакама II. См.: *Бойко*. Литература в Испании с. 161—162.

²⁵ О нем см.: *Ибн ал-Фаради*. Та'рих, т. 1, с. 347—348, № 1228.

²⁶ См. там же, с. 40, № 134.

²⁷ См. там же, с. 252, № 900.

²⁸ О нем см.: *Бойко*. Литература в Испании, с. 110—114.

²⁹ О нем см.: *Ибн ал-Фаради*. Та'рих, т. 1, с. 33, № 105.

³⁰ См. там же, с. 36, № 115.

³¹ См. там же, с. 41—42, № 140.

ал-Хушани предваряет выражениями: *кала* («он сказал»), *кала ли* («он сказал мне»), *ахбарани* («он сообщил мне»), *закара ли* («он упомянул мне»), *зукира* («упоминают»), *хаддасани* («он рассказал мне»), *сами'ту* («я слышал») и т. д. На первый взгляд может показаться, что здесь мы имеем дело с устной традицией, которую ал-Хушани впервые зафиксировал, как и считал Х. Рибера³². Нам представляется, что это не так. Лица, которых слушал ал-Хушани, принадлежали к ученому сословию и имели в своем распоряжении записи этих рассказов (то ли в составе своих собственных работ, то ли в каком-то ином виде). Они всего лишь дали ал-Хушани разрешение на их использование в «Книге о судьях». Обороты или выражения, которыми вводятся рассказы, представляют собой специальные технические термины, обозначающие различные способы передачи текста³³.

В «Книгу о судьях» в качестве источника вошли также письменные материалы особого рода. Имеется в виду *ад-диван*, или *диван ал-кудат*,— собрание разнородных документов, сохранившихся от деятельности кордовских судей. С их помощью ал-Хушани устанавливает факты биографии своих главных героев (например, последовательность их пребывания в должности), контролирует версии рассказов о них, черпает редкие сведения, отсутствующие в других источниках. Он цитирует на страницах книги выдержки из хранившейся в архиве переписки судей с омейядскими эмирами, ценной и как документ эпохи, и как собрание образцов эпистолярного стиля IX в.

Сочинение ал-Хушани дошло до нас в единственном списке, датированном 695/1296 г. и хранящемся в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде³⁴. Лексика этого исключительного по своему значению испано-арабского памятника, существовавшего тогда только в рукописи, привлекла внимание Р. Дози, который широко использовал и проанализировал его в своем арабо-французском словаре³⁵. Важность хроники как источника по истории Кордовского эмирата—духовной и социальной сторон жизни общества—побудила испанского арабиста Х. Риберу опубликовать в 1914 г. в Мадриде ее текст вместе с испанским переводом и предисловием³⁶. Введение в научный обиход «Книги о судьях» явилось заметным вкладом в область испано-

³² *Ribera*. Prólogo, с. IX.

³³ *Sezgin*. Geschichte, с. 58—60; *Халидов*. Арабские рукописи, с. 98—121.

³⁴ *Nicoll*. Oxford, № 127 (2). Место изготовления копии не указано. Следующая за колофоном приписка удостоверяет, что рукописью владели несколько лиц и что последний раз с нее была снята копия в Португалии в 875/1470-71 г. См. пер., с. 157.

³⁵ *Dozy*. Supplément.

³⁶ *Historia de los jueces de Córdoba por Aljoxani*. Texto árabe y traducción española por J. Ribera. Madrid, 1914.

Предисловие

арабских штудий и вызвало живой отклик также и у отечественных востоковедов — Д. К. Петрова³⁷ и И. Ю. Крачковского³⁸. Как писал Д. К. Петров в своей рецензии на издание, книга ал-Хушани — «клад для ученых, которые захотят дать характеристику испано-арабской культуры VIII—X вв.»³⁹. Тогда же он выразил надежду на появление русского перевода сочинения.

Читателю впервые предлагается русский комментированный перевод памятника. Он осуществлен по мадридскому изданию и по уникальной рукописи⁴⁰. Их параллельное использование служит лучшему пониманию довольно сложного текста произведения. Перевод размечен указаниями на страницы издания. В постраничных сносках даются отсылки к вариантам соответствующих рассказов ал-Хушани, которые цитируются другими авторами.

После перевода следуют комментарии, касающиеся исторических событий, действующих лиц, передатчиков рассказов, юридических терминов, особенностей судебной практики, других охранительных ведомств, помимо главного судьи, также призванных расследовать различные правонарушения и выносить по ним приговоры. Разъясняются топография столицы — Кордовы и географические топонимы Пиренейского полуострова, реалии быта с указаниями на соответствующие источники и литературу.

Мы стремились к адекватной передаче содержания памятника, хотя не всегда это удавалось. Так, некоторые термины и титулы ввиду трудности их перевода оставлены нами в форме оригинала (*мусалима*, *'адала*, *сахиб ар-радд*, *аш-шурта ал-'улйа*, *вали-ш-шурта*, *сахиб ал-мадина* и др.).

Для удобства пользования текстом перевода и примечаниями введена нумерация рассказов (№ 1—44).

К переводу приложены библиография и указатели имен собственных, кордовской топонимики, географических названий.

³⁷ Петров. Рец.: *Historia de los jueces de Córdoba por Al-Johani*.

³⁸ Крачковский. Полвека испанской арабистики, с. 315.

³⁹ Петров. Рец.: *Historia de los jueces de Córdoba por Al-Johani*.

⁴⁰ Микрофильм рукописи любезно прислан нам дирекцией Бодлеянской библиотеки.

SUMMARY

The reader is offered a complete translation of *Kitāb al-quḍāt*, a work extant in a unique Arabic manuscript in the Oxford Bodleian library, on the chief judges of the Spanish Umayyads. It was written by the Maliki faqīh Muḥammad b. Ḥārith al-Khushanī (10th century), who came from Tunisia.

The Book of Judges appeared on the scene in the heyday of the Umayyad state in Spain, as Spanish-Arabic scholars were taking a closer look at their culture and history. This enlightenment movement was fostered by the local ruling dynasty: the Umayyads needed legitimacy in the Caliphate, a new state they themselves had proclaimed.

In their capital, Cordova, and in the provinces alike the dynasty sponsored the hunting down, collecting and recording of "traces of the past". The court historians, who ranked high in the administration, undertook to write the dynasty's history in the shape of annual records. As more light was shed on the historico-religious tradition, or ḥadīths, and the law, or fiqh, there appeared more biographical dictionaries on the muḥaddiths and the faqīhs. This literature likewise benefitted from changes within the administrative machine proper, boosting the prestige and influence of its officials. The bureaucracy's exalted self-awareness and its stature in the state caused the emergence of biography works of many officials, notably the chief judges.

Among them is The Book of Judges by al-Khushanī. Its characters are historical personages, the chief judges of Cordova, and it spans the time from the closing years of the governor-generalship, prior to the rule of Emir 'Abd al-Raḥmān I (138/756), to 358/969, where the story leaves off.

The book was commissioned by the heir to the throne, later Caliph al-Ḥakam II (961-976) and was also dedicated to him. It is the only extant of the Spanish-Arabic books on the 10th century judges.

As is clear from the preface, al-Khushanī intended it as some sort of guide based on past experience, with illuminating legal precedents to be consulted in litigations.

Summary

Noting the preeminence of the chief judge in Islamic society, second in importance only to its secular and spiritual leader, the author touches upon the concept of judging proper.

It was with mixed feelings that the Muslims regarded judging and everything pertaining to it. Executing God's will exalts the humans, but it is also a severe ordeal. As was believed, once in office, a judge was exposed to great danger. He might err in his rulings (for it is only Allah who knows the truth) and be severely punished in an afterlife. Dreading this, many pious Muslims chose to eschew the office, which was quite commonplace already in the early history of Islam.

We further learn that Muslim jurists reacted differently to questions whether to accept the office or not: some said yes, the others said no. The author tells us of both groups. His carefully conceived plot starts off with the "Chapter on the People of Cordova Who Were Offered the Position of Judges but Who Declined to Accept It". It is followed by several stories of those who were stalwart enough to do otherwise. Each story, or *dhikr*, is about a particular judge and falls, in turn, into smaller ones prefaced by *isnāds*. They strictly follow the chronological sequence of the *qadis* in office.

What we see is a long line of Cordova judges, morally upright, unobsequious to the high and mighty, and doing justly by everyone. They lead simple lives but are not always accessible to litigants, who have to follow prescribed etiquette in dealings with them.

Later generation judges were certainly looking up to their forerunners' words and deeds as is clear from these entertaining accounts. It is safe to say that a distinct legal behaviour stereotype was shaping up at al-Andalus as early as the mid-9th century, as testified to by al-Khushanī.

The Book of Judges recreates Muslim lawmaking procedures and illustrates civil and criminal law quirks. A judge's lot was indeed a worrisome one what with disagreements with advisers and standoffs with Cordova's *faqīh* zealots bent on influencing legal rulings or even having an unaccommodating judge dismissed. Crowding the pages is a motley social, religious, and ethnic bevy bustling in the lawcourts. The action takes us now to the Great Mosque, now to a judge's unassuming dwelling, now to the court chambers, now to the shack of an ascetic, now to the streets of Cordova. We are also treated to a host of everyday minutiae endemic to the capital of the Umayyad state. All in all, the book is a prized source on the history of local judges, their trade, and civilization of the 8th - 10th cc. Western Islam.

Summary

The work's sources are many, mostly narrative biographic accounts by al-Khushanī's precursors and contemporaries.

The text has been altered to a degree by abridgements as well as interpolations, as is the case with the opening three stories of legendary judges.

The page-to-page footnotes refer the reader to variant stories of The Book of Judges quoted in later sources, and there are detailed commentaries and indexes. The work sets out by profiling the author and his book.

Научное издание

Мухаммад ибн Харис ал-Хушани
КНИГА О СУДЬЯХ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Заведующий редакцией *С.С.Цельникер*
Редактор *Л.В.Негря*
Младший редактор *Н.Е.Серегина*
Художник *И.Д.Бритвенко*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *В.П.Стуковнина*
Корректор *В.М.Ночеткова*

ИБ № 16811

Сдано в набор 26.02.91.
Подписано к печати 19.11.91.

Формат 60×88¹/₁₆. Бумага офсетная № 2.
Печать офсетная. Усл. п.л. 14,21. Усл. кр.-отт. 14,33.
Уч.-изд.л. 14,41. Тираж 7000 экз. Изд. № 6864.
Зак. № 111.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28